

Говард Филлипс Лавкрафт

Сияние извне

(The Colour Out of Space)

К западу от Аркхема высятся угрюмые кручи, перемежающиеся лесистыми долинами, в чьи непролазные дебри не доводилось забираться ни одному дровосеку. Там встречаются узкие лощины, поросшие деревьями с причудливо изогнутыми стволами и столь густыми кронами, что ни одному лучу солнца не удастся пробиться сквозь их своды и поиграть на поверхности сонно журчащих ручьев. По отлогим каменистым склонам холмов разбросаны древние фермерские угодья, чьи приземистые, замшелые строения скрывают в своих стенах вековые секреты Новой Англии. Там повсюду царит запустение – массивные дымоходы разрушены временем, а панелированные стены опасно заваливаются под тяжестью низких двускатных крыш.

Местные жители давно покинули эти места, да и вновь прибывающие переселенцы предпочитают здесь не задерживаться. В разное время сюда наезжали франкоканадцы, итальянцы и поляки, но очень скоро все они собирались и следовали дальше. И вовсе не потому, что обнаруживали какие-либо явные недостатки, – нет, ничего такого, что можно было бы увидеть, услышать или пощупать руками, здесь не водилось, – просто само место действовало им на нервы, рождая в воображении странные фантазии и не давая заснуть по ночам. Это, пожалуй, единственная причина, по которой чужаки не селятся здесь, ибо доподлинно известно, что никому из них старый Эмми Пирс и словом не обмолвился о том, что хранит его память об «окайнных днях». Эмми, которого в здешних краях уже давно считают немного повредившимся в уме, остался единственным, кто не захотел покинуть насиженное место и уехать в город. И еще, во всей округе только он один осмеливается рассказывать об «окайнных днях», да и то потому, что сразу же за его домом начинается поле, по которому можно очень быстро добраться до всегда оживленной дороги, ведущей в Аркхем.

Некогда дорога проходила по холмам и долинам напрямик через Испепеленную пустошь, но после того, как люди отказались ездить по ней, было проложено новое шоссе, огибающее местность с юга. Однако следы старой дороги все еще можно различить среди густой поросли наступающего на нее леса, и, без сомнения, кое-какие ее приметы сохранятся даже после того, как большая часть низины будет затоплена под новое водохранилище. Когда это случится, вековые леса падут под ударами топоров, а Испепеленная пустошь навсегда скроется под толщей воды, на поверхности которой будет отражаться безмятежное голубое небо и поигрывать бликами солнце. И тогда тайна «окайнных дней» станет всего лишь еще одной непостижимой тайной водных пучин, еще одним сокрытым на века секретом древнего океана, еще одной недоступной человеческому пониманию загадкой древней планеты.

Когда я только собирался отправиться к этим холмам и долинам на разметку нового водохранилища, меня предупредили, что место это «нечистое». Дело было в Аркхеме, старинном и, пожалуй, одном из немногих оставшихся городков, где легенды о нечистой силе дожили до наших дней, и я воспринял предупреждение как часть обязательных страшных историй, которыми седовласые старушки испокон веков пичкают своих внуков на ночь. Само же название «Испепеленная пустошь» показалось мне чересчур вычурным и аффектированным, и я, помнится,

еще удивлялся, откуда вся эта сверхъестественная чушь могла просочиться в предания потомков благочестивых пуритан. Однако, после того как я собственными глазами увидел эту невообразимую мешанину темных ущелий и обрывистых склонов, я перестал удивляться чему-либо, кроме загадочной природы катаклизма, ее породившего. Когда я добрался туда, было ясное раннее утро, но стоило мне ступить под мрачные своды ущелий, как я оказался в вечном полумраке. Для типичных лесов Новой Англии деревья росли здесь слишком часто, а стволы их были чересчур толсты. Да и мертвая тишина, царившая в узких проходах, была чересчур мертвой, и слишком уж много сырости таил в себе настил из осклизлого мха и древнего перегноя.

На открытых местах, большей частью вдоль старой дороги, мне попадались маленькие фермы, притулившиеся к склонам холмов. На некоторых из них все постройки были в сохранности, на иных – только одна или две, но встречались и такие, где среди развалин возвышалась лишь одинокая печная труба или темнел разверстый зев полузасыпанного мусором погреба. Повсюду властвовали сорняки и колючки, в зарослях которых при моем появлении начиналась беспокойная возня неведомых лесных тварей. На всем, что меня окружало, лежала печать тревоги и смертной тоски, некая вуаль нереальности и гротеска, как если бы из привычной с детства картины вдруг пропал жизненно важный элемент перспективы или светотени. Теперь я уже не удивлялся тому, что переселенцы не захотели обосновываться в этих местах, ибо вряд ли нашелся бы хоть один человек, который согласился бы остаться здесь на ночь. Слишком уж походил этот пейзаж на картины Сальватора Розы¹, слишком уж сильно напоминал он нечестивые гравюры из забытых колдовских книг.

Но все это не шло ни в какое сравнение с Испепеленной пустошью. Как только я наткнулся на нее посреди очередной долины, я тотчас же понял, что это она и есть, ибо ни одно другое название не могло бы столь верно передать своеобразие этого места, как, впрочем, и ни одно другое место на земле не могло бы столь точно соответствовать этому названию. Это определение казалось рожденным в голове неведомого поэта после того, как он побывал в данной географической точке необъятного материка. На первый взгляд пустошь представляла собой обычную проплешину, какие остаются в результате лесного пожара, – но почему же, вопрошал я себя, на этих пяти акрах серого безмолвия, въевшегося в окрестные леса и луга наподобие того, как капля кислоты въедается в бумагу, с тех пор не выросло ни одной зеленой былинки? Большая часть пустоши лежала к северу от старой дороги, и только самый ее краешек переползал за южную обочину. Когда я подумал о том, что мне придется пересекать это неживое пепельное пятно, я почувствовал, что все мое существо необъяснимым образом противится этому. И только чувство долга и ответственность за возложенное поручение заставили меня наконец двинуться дальше. На всем протяжении моего пути через пустошь я не встретил ни малейших признаков растительности. Повсюду, насколько хватало глаз, недвижимо, не колышима ни единым дуновением ветра, лежала мельчайшая серая пыль или, если угодно, пепел. В непосредственной близости от пустоши деревья имели странный, нездоровый вид, а по самому краю выжженного пятна стояло и лежало немало мертвых гниющих стволов. Как ни ускорял я шаг, я все же успел заметить справа от себя груды потемневших кирпичей и булыжника, высившуюся на месте обвалившегося дымохода, и еще одну такую же кучу там, где раньше, по всей видимости, стоял погреб. Немного поодаль зиял черный провал колодца, из недр которого вздымались зловонные испарения и окрашивали проходящие сквозь них солнечные лучи в странные, неземные тона. После пустоши даже долгий, изнурительный подъем под темными сводами чашобы показался мне приятным и освежающим, и я больше не удивлялся тому, что стоит только разговору зайти об этих местах, жители Аркхема переходят на испуганный шепот. Я не смог различить поблизости ни одного строения или хотя бы развалин: похоже, что и в старые времена здесь редко бывали люди. В наступивших сумерках никакая сила не смогла бы подвинуть меня на возвращение прежним путем, а потому я добрался до города по более долгой, но зато достаточно удаленной от пустоши южной дороге. Все время,

пока я шагал по ней, мне смутно хотелось, чтобы налетевшие вдруг облака закрыли собой неисчислимые звездные бездны, нависшие над моею головой и рождавшие в глубине души первобытный страх.

Вечером я принялся расспрашивать местных старожил об Испепеленной пустоши и о том, что означала фраза «окайнные дни», которую они так часто повторяли в своих уклончивых ответах. Как и раньше, мне не удалось ничего толком разузнать, кроме, пожалуй, того, что загадочное происшествие, возбудившее мое любопытство, случилось гораздо позднее, чем я предполагал, и было не очередной выдумкой, испокон веков передающейся из поколения в поколение, но совершенно реальным событием, многочисленные свидетели которого и по сию пору находятся в добром здравии. Я выяснил, что дело происходило в восьмидесятих годах прошлого столетия и что тогда была убита или бесследно пропала одна местная фермерская семья, но дальнейших подробностей мои собеседники не смогли, а может быть, и не пожелали мне сообщить. При этом все они, словно сговорившись, убеждали меня не обращать внимания на полоумные рассказы старого Эмми Пирса. Это поразительное единодушие как раз и послужило причиной тому, что на следующее утро, порасспросив дорогу у случайных прохожих, я стоял у дверей полуразвалившегося коттеджа, в котором на самом краю леса, там, где начинают попадаться первые деревья с уродливо толстыми стволами, в полном одиночестве обитал местный юродивый. Это было невероятно древнее строение, от которого уже начинал исходить тот особый запах, который имеют обыкновение издавать дома, простоявшие на земле чересчур долго. Пришлось изрядно поколотить в дверь, прежде чем старик поднялся открыть мне, и по тому, как медлительна была его шаркающая походка, я понял, что он далеко не обрадован моему посещению. Он оказался не такой развалиной, как я его себе представлял, однако потухшие, опущенные долу глаза, неряшливое платье и всклокоченная седая борода придавали ему довольно изнуренный и подавленный вид.

Не зная, как лучше подступиться к старику, я притворился, что мой визит носит чисто деловой характер, и принялся рассказывать о цели своих изысканий, попутно вставляя вопросы, касающиеся характера местности. Мое невысокое мнение о его умственных способностях, сложившееся из разговоров с городскими обывателями, также оказалось неверным – он был достаточно сметлив и образован для того, чтобы мгновенно уяснить себе суть дела не хуже любого другого аркхемца. Однако он вовсе не походил на обычного среднестатистического фермера, каких я немало встречал в районах, предназначенных под затопление. Во всяком случае, я не услышал от него ни одного протеста по поводу уничтожения переросших лесов и запущенных угодий, хотя, возможно, он отнесся к этому так спокойно лишь потому, что его собственный дом находился вне границ будущего озера. Единственным чувством, отразившимся на его лице, было чувство облегчения, как будто он только и желал, чтобы мрачные вековые долины, по которым ему довелось бродить всю свою жизнь, исчезли навсегда. Конечно, их лучше затопить, мистер, а еще лучше – если бы их затопили тогда, сразу же после «окайнных дней». И вот тут-то, после этого неожиданного вступления, он понизил голос до доверительного хриплого шепота, подался корпусом вперед и, выразительно покачивая дрожащим указательным пальцем правой руки, начал свой рассказ.

Я безмолвно слушал и, по мере того как его дребезжащий голос все больше завладевал моим сознанием, ощущал, как, несмотря на теплый летний день, по моему телу все чаще пробегает невольный озноб. Не раз мне приходилось помогать рассказчику находить потерянную нить повествования, связывать воедино обрывки научных постулатов, подхваченных им из разговоров проезжих профессоров, или же преодолевать иные запутанные места, в которых ему изменяло чувство логики и последовательности событий. Когда старик закончил, я более не удивлялся ни тому, что он слегка тронулся умом, ни тому, что жители Аркхема избегают говорить об

Испепеленной пустоши. Не желая снова очутиться один на один со звездами, я поспешил вернуться в гостиницу до захода солнца, а на следующий день уже возвращался в Бостон сдавать свои полномочия. Я не мог заставить себя еще раз приблизиться к этому мрачному хаосу чащоб и крутых склонов или хотя бы взглянуть в сторону серого пятна Испепеленной пустоши, посреди которой, рядом с грудой битого кирпича и булыжника, чернел бездонный зев колодца. Теперь уже недалек тот день, когда водохранилище будет построено и несколько саженей воды надежно упрячут под собою всю эту стародавнюю жуть. Однако я отнюдь не уверен, что, даже после того, как это произойдет, я когда-либо отважусь проезжать по тем местам ночью, – и уж ничто на свете не заставит меня испить хотя бы глоток воды из нового аркхемского водопровода.

По словам Эмми, все началось с метеорита. До той поры по всей округе невозможно было сыскать и одного страшного предания – все они повывелись после прекращения ведьмовских процессов, но даже в те глухие времена, когда охота на ведьм шла в полную силу, прилегающие к Аркхему западные леса не таили в себе и десятой доли того ужаса, каким люди наделили, например, небольшой островок посреди Мискатоника, где у каменного алтаря причудливой формы, установленного там задолго до появления на материке первых индейцев, сатана имел обыкновение устраивать свои приемы. Здешние же леса нечистые духи обходили стороной, и до наступления «окаянных дней» в их таинственном полумраке не скрывалось ничего зловещего. А потом появилось это белое полуденное облако, эта цепочка разрывов по всему небу и, наконец, этот огромный столб дыма, выросший над затерянной в дебрях леса ложиной. К вечеру того дня всему Аркхему стало известно: порядочных размеров скала свалилась с неба и угодила прямо во двор Наума Гарднера, где и упокоилась в огромной воронке рядом с колодцем. Дом Наума стоял на том самом месте, где позднее суждено было появиться Испепеленной пустоши. Это был на редкость опрятный, чистенький домик, и стоял он посреди цветущих садов и полей.

Наум поехал в город рассказать тамошним жителям о метеорите, а по дороге завернул к Эмми Пирсу. Эмми тогда было сорок лет, голова у него работала не в пример лучше, чем сейчас, и потому все последовавшие события накрепко врезались ему в память. На следующее утро Эмми и его жена вместе с тремя профессорами Мискатоникского университета, поспешившими собственными глазами узреть пришельца из неизведанных глубин межзвездного пространства, отправились к месту падения метеорита. По прибытии их прежде всего удивил тот факт, что размеры болида оказались не такими громадными, как им за день до того обрисовал хозяин фермы. «Он съежился», – объяснил Наум, указывая на довольно высокий буроватый холмик, возвышавшийся посреди неровного пятна искореженной почвы и обуглившейся травы рядом с колодцем, однако ученые мужи тут же возразили, что метеориты «съеживаться» не могут. Наум добавил еще, что жар, исходящий от раскаленной глыбы, не спадает с течением времени и что по ночам от нее исходит слабое сияние. Профессора потыкали болид киркой и обнаружили, что он на удивление мягок. Он действительно оказался мягким, как глина или как смола, и потому небольшой кусочек, который ученые мужи унесли в университет для анализа, им пришлось скорее отщипывать, нежели отламывать от основной глыбы. Им также пришлось поместить образец в старую бадью, позаимствованную на кухне у Наума, ибо даже столь малая частичка метеорита упрямо отказывалась охлаждаться на воздухе. На обратном пути они остановились передохнуть у Эмми, и тут-то миссис Пирс изрядно озадачила их, заметив, что кусочек метеорита за это время значительно уменьшился в размерах, да к тому же еще почти наполовину прожег дно гарднеровской бадьи. Впрочем, он и с самого начала был не очень велик, и, может быть, тогда им только показалось, что они взяли больше.

На следующий день – а было это в июне восемьдесят второго – сверх меры возбужденные профессора опять всей гурьбой нагрянули на ферму Гарднеров. Проходя мимо дома Эмми, они ненадолго задержались, чтобы рассказать ему о необыкновенных вещах, которые выделявал

принесенный ими накануне образец, прежде чем исчезнуть без следа вместе со стеклянной мензуркой, в которую его поместили. По сему поводу университетские умники долго покачивали головами, рассуждая о странном сродстве ядра метеорита с кремнием. И вообще, в их образцовой исследовательской лаборатории анализируемый материал повел себя неподобающим образом: термическая обработка древесным углем не произвела на него никакого воздействия и не выявила никаких следов поглощенных газов, бура дала отрицательную реакцию, а нагревание при самых высоких температурах, включая и те, что получаются при работе с кислородно-водородной горелкой, выявило лишь его полную и безусловную неспособность к испарению. На наковальне он только подтвердил свою податливость, а в затемненной камере – люминесцентность. Его нежелание остывать окончательно взбудоражило весь технологический колледж, а после того как спектроскопия показала наличие световых полос, не имеющих ничего общего с полосами обычного спектра, среди ученых только и было разговоров что о новых элементах, непредсказуемых оптических свойствах и прочих вещах, которые обыкновенно изрекают ученые мужи, столкнувшись с неразрешимой загадкой.

Несмотря на то что образец сам по себе напоминал сгусток огня, они пытались расплавить его в тигле со всеми известными реагентами. Вода не дала никаких результатов. Азотная кислота и даже царская водка лишь яростно шипели и разлетались мелкими брызгами, соприкоснувшись с его раскаленной поверхностью. Эмми с трудом припоминал все эти мудреные названия, но, когда я начал перечислять ему некоторые растворители, обычно применяемые в такого рода процедурах, он согласно кивал головой. Да, они пробовали и аммиак, и едкий натр, и спирт, и эфир, и вонючий дисульфид углерода, и еще дюжину других средств, но, хотя образец начал понемногу остывать и уменьшаться в размерах, в составе растворителей не было обнаружено никаких изменений, указывающих на то, что они вообще вошли в соприкосновение с исследуемым материалом. Однако вне всякого сомнения вещество это было металлом. Прежде всего потому, что оно выказывало магнетические свойства, а кроме того, после погружения в кислотные растворители ученым удалось уловить слабые следы видманштеттовых фигур^[2], обычно получаемых при работе с металлами метеоритного происхождения. После того как образец уже значительно поостыл, опыты были продолжены в стеклянных ретортах, в одной из которых и были оставлены на ночь образцы, полученные в ходе работы из исходного куска. На следующее утро все они исчезли вместе с ретортой, оставив после себя обугленное пятно на деревянном стеллаже, куда накануне вечером их поместил лаборант.

Все это профессора поведали Эмми, остановившись ненадолго у дверей его дома, и дело кончилось тем, что он опять, на этот раз без жены, отправился с ними поглазеть на таинственного посланника звезд. За два прошедших дня метеорит «съежился» настолько заметно, что даже не верящие ни во что профессора не смогли отрицать очевидность того, что лежало у них перед глазами. За исключением нескольких осыпаний почвы, между краями воронки и сжимающейся бурой глыбой теперь было изрядное количество пустого места, да и ширина самой глыбы, равнявшаяся накануне семи футам, теперь едва ли достигала пяти. Она все еще была невыносимо горяча, и потому городским мудрецам пришлось соблюдать максимальную осторожность, исследуя ее поверхность и – при помощи молотка и стамески – отделяя от нее еще один довольно крупный кусок. На этот раз они копнули глубже и при извлечении своей добычи обнаружили, что ядро метеорита было не столь однородным, как они полагали вначале.

Взору их открылось нечто, напоминавшее боковую поверхность сверкающей глобулы, засевшей в основной массе болида, наподобие икринки. Цвет глобулы, отчасти схожий с некоторыми полосами странного спектра, полученного учеными накануне, невозможно было определить словами, да и цветом-то его можно было назвать лишь с большой натяжкой – настолько мало общего имел он с земной цветовой палитрой. Легкое пробное постукивание по лоснящемуся телу

глобулы выявило, с одной стороны, хрупкость ее стенок, а с другой – ее полую природу. Потом один из профессоров врезал по ней как следует молотком, и она лопнула с тонким неприятным звуком, напоминающим хлюпанье. Однако более ничего не произошло: разбитая глобула не только не выпустила из себя никакого содержимого, но и сама моментально исчезла, оставив после себя лишь сферическое, в три дюйма шириной, углубление в метеоритной породе да надежду в головах ученых мужей на обнаружение других подобных глобул.

Надежда эта оказалась напрасной, и после нескольких неудачных попыток пробурить раскаленный болид в поисках новых глобул в руках неутомимых исследователей остался лишь образец, который им удалось извлечь нынешним утром и который, как выяснилось позднее, в лабораторных условиях повел себя ничуть не лучше своего предшественника. Кроме уже известных пластичности, энергоемкости, магнетизма, способности светиться в темноте, немного охлаждаться в концентрированных кислотах и неизвестно куда улетучиваться в воздушной среде, а также уникального спектра и предрасположенности к бурному взаимодействию с кремнием, результатом которого являлось взаимное уничтожение обоих реагентов, исследуемое вещество не выказало ровным счетом никаких индивидуальных свойств. В конце концов, исчерпав все существующие методы анализа, университетские ученые вынуждены были признать, что в их обширном хранилище знаний для него просто не существует подходящей полки. Метеорит явно не имел ничего общего с нашей планетой – он был плоть от плоти неведомого космического пространства и, как таковой, был наделен его неведомыми свойствами и подчинялся его неведомым законам.

Той ночью разразилась гроза, а когда на следующее утро профессора опять появились на ферме Наума, их ожидало горькое разочарование. Обладая ярко выраженным магнетизмом, метеорит, очевидно, таил в себе некие неизвестные электростатические свойства, ибо, согласно свидетельству Наума, во время грозы «он притягивал к себе все молнии подряд». Ему довелось наблюдать, как в течение часа молния шесть раз ударяла в невысокий бугорок посреди его двора, а когда гроза миновала, от прищельца со звезд не осталось ничего, кроме наполовину засыпанной оползнем ямы рядом с колодцем. Раскопки не принесли никакого результата, и ученые были вынуждены констатировать факт полного исчезновения метеорита. Больше им тут делать было нечего, и они отправились назад в лабораторию продолжать свои опыты над неуклонно уменьшающимся в размерах образцом, который они на этот раз предусмотрительно запрятали в свинцовый контейнер. Этого последнего кусочка им хватило на неделю, по окончании которой они так и не узнали ничего ценного о его природе. Когда же образец наконец прогорел окончательно, от него не осталось ни шлака, ни осадка, ни каких-либо иных следов его материального существования, и с течением времени профессора начали терять уверенность в том, что вообще видели этот загадочный обломок нависшей над нами необъятной бездны, этот необъяснимый знак, посланный нам из других галактик, где властвуют иные законы материи, энергии и бытия.

Вполне естественно, что аркхемские газеты, куда университетские мужи бросились помещать свои статьи о необычном феномене, устроили грандиозную шумиху по поводу метеорита и чуть ли не ежедневно посылали корреспондентов брать интервью у Наума Гарднера и членов его семьи. А после того как у него побывал и репортер одной из бостонских ежедневных газет, Наум быстро начал становиться местной знаменитостью. Это был высокий, худой, добродушный мужчина пятидесяти лет от роду. Он имел жену и троих детей, и все они в добром согласии жили на небольшой, но по всем показателям образцовой ферме посреди долины. Наум и Эмми, как и их жены, частенько заглядывали друг к другу в гости, и за все годы знакомства Эмми не мог сказать о нем ничего, кроме самого хорошего. Наум, кажется, немного гордился известностью, которая нежданно-негаданно выпала на долю его фермы, и все последующие недели только и говорил,

что о метеорите. Между тем в июле и августе того года для фермеров выдались горячие деньки, и ему пришлось изрядно повозиться с заготовкой сена, от темна до темна курсируя на своей грохочущей телеге по лесным просекам, соединявшим ферму с пастбищем за Чепменовским ручьем. В этом году работа давалась ему не так легко, как прежде, и он с грустью замечал, что чувствует приближение старости.

А затем наступила осень. День ото дня наливались соком яблоки и груши, и торжествующий Наум клялся всякому встречному, что никогда еще его сады не приносили столь роскошного урожая. Достигавшие невиданных размеров и крепости плоды уродились в таком поразительном изобилии, что Гарднерам пришлось заказать добавочную партию бочек для хранения и перевозки своего будущего богатства. Однако, когда пришло время собирать фрукты, Наума постигло ужасное разочарование, ибо среди неисчислимого множества этих, казалось бы, непревзойденных кандидатов на украшение любого стола не обнаружилось ни одного, который можно было бы взять в рот. К нежному вкусу плодов примешивались неизвестно откуда взявшиеся тошнотворная горечь и приторность, так что даже самый малейший надкус вызывал непреодолимое отвращение. То же самое творилось с помидорами и дынями, и вскоре упавший духом Наум вынужден был примириться с мыслью о том, что весь его нынешний урожай безвозвратно потерян. Будучи сообразительным малым, он тут же сопоставил это событие с недавним космическим феноменом и заявил, что это метеорит отравил его землю и что теперь ему остается только благодарить Бога за то, что бо́льшая часть остальных посадок находилась на удаленном от дороги предгорье.

В том году зима пришла рано, и выдалась она на редкость суровой. Эмми теперь видел Наума не так часто, как прежде, но и нескольких коротких встреч ему хватило, чтобы понять, что его друг чем-то не на шутку встревожен. Да и остальные Гарднеры заметно изменились: они стали молчаливы и замкнуты, и с течением времени их все реже можно было встретить на воскресных службах и сельских праздниках. Причину внезапной меланхолии, поразившей доселе цветущее фермерское семейство, невозможно было объяснить, хотя временами то один, то другой из домашних Наума жаловался на ухудшающееся здоровье и расстроенные нервы. Сам Наум выразился по этому поводу достаточно определенно: однажды он заявил, что его беспокоят следы на снегу. На первый взгляд то были обыкновенные беличьи, кроличьи и лисьи следы, но наметанный глаз потомственного фермера уловил нечто не совсем обычное в рисунке каждого отпечатка и в том, как они располагались на снегу. Он не стал вдаваться в подробности, но у его собеседников сложилось впечатление, что таинственные следы только отчасти соответствовали анатомии и повадкам белок, кроликов и лис, водившихся в здешних местах испокон веков. Эмми не придавал этим разговорам большого значения до тех пор, пока однажды ночью ему не довелось, возвращаясь домой, проезжать мимо фермы Наума. В ярком свете луны дорогу перебежал кролик, и было в этом кролике и его гигантских прыжках нечто такое, что очень не понравилось ни Эмми, ни его лошади. Во всяком случае, понадобился сильный рывок вожжей, чтобы помешать последней во весь опор понестись прочь. После этого случая Эмми серьезнее относился к рассказам Наума и уже не удивлялся тому, что каждое утро гарднеровские псы испуганно жались по углам, а со временем настолько утратили былую бодрость, что и вовсе перестали лаять.

Как-то в феврале сыновья Макгрегора, что с Медоу-Хилл, отправились поохотиться на сурков и неподалеку от фермы Гарднеров подстрелили весьма странный экземпляр. Тушка зверька приводила в замешательство своими непривычными размерами и пропорциями, а на морде было написано жутковатое выражение, какого до той поры никому не приходилось встречать у сурков. Изрядно напугавшись, мальчишки тут же забросили уродца подальше в кусты и вернулись домой, так что по округе принялся ходить лишь их ничем не подтвержденный, довольно фантастический

рассказ. Однако тот факт, что поблизости от дома Наума лошади становились пугливыми, больше не отрицался никем, и постепенно отдельные темные слухи начали слагаться в легенды, которые и до сих пор окружают это проклятое место.

Весной стали поговаривать, что близ фермы Гарднеров снег тает гораздо быстрее, чем во всех остальных местах, а в начале марта в лавке Поттера, что в Кларкс-Корнерз, состоялось возбужденное обсуждение очередной новости. Проезжая по гарднеровским угольям, Стивен Райс обратил внимание на пробивавшуюся вдоль кромки леса поросль скунсовой капусты. Никогда в жизни ему не доводилось видеть скунсову капусту столь огромных размеров – и такого странного цвета, что его вообще невозможно было передать словами. Растения имели отвратительный вид и издавали резкий тошнотворный запах, учуяв который лошадь Стивена принялась храпеть и взбрыкивать. В тот же полдень несколько человек отправились взглянуть на подозрительную поросль и, прибыв на место, единодушно согласились, что подобные чудовища не должны пускать ростков в христианском мире. Тут все заговорили о пропавшем урожае предыдущей осени, и вскоре по всей округе не осталось ни единого человека, который не знал бы о том, что земли Наума отравлены. Конечно, все дело было в метеорите; и, памятуя об удивительных историях, которые в прошлом году рассказывали о нем университетские ученые, несколько фермеров, будучи по делам в городе, выбрали время и потолковали с профессорами о всех происшедших за это время событиях.

И вот однажды те вновь заявили к Науму и часок-другой покрутились на ферме, но, не имея склонности доверять всякого рода слухам и легендам, пришли к очень скептическим заключениям. Действительно, растения выглядели довольно странно, но скунсова капуста в большинстве случаев имеет довольно странный вид и окраску. Кроме того, не исключено, что какая-нибудь минеральная составляющая метеорита и в самом деле попала в почву, но если это так, то она вскоре будет вымыта грунтовыми водами. А что касается следов на снегу и пугливых лошадей, то это, без сомнения, всего лишь обычные деревенские байки, порожденные таким редким научным явлением, как аэролит. Серьезному человеку не следует обращать внимания на нелепые пересуды, ибо давно известно, что сельские жители только и знают, что рассказывают небылицы и верят во всякую чушь. А потому, когда наступили «окаянные дни», профессора держались в стороне от происходящего и только презрительно фыркали, услышав очередное невероятное известие. Только один из них, получив полтора года спустя от полиции для анализа две наполненные пеплом склянки, припомнил, что непередаваемый оттенок листьев скунсовой капусты, с одной стороны, очень напоминал одну из цветовых полос необычного спектра, снятого университетским спектроскопом с образца метеорита, а с другой – был сродни окраске хрупкой глобулы, обнаруженной в теле пришельца из космической бездны. Припомнил он это потому, что две горстки праха, принесенные ему для анализа, дали в своем спектре все те же странные полосы, однако через некоторое время явление это прекратилось и все снова пришло в норму.

На деревьях вокруг гарднеровского дома рано набухли почки, и по ночам их ветви зловеще раскачивались на ветру. Тадеуш, средний сын Наума, уверял, что ветки качаются и тогда, когда никакого ветра нет, но этому не могли поверить даже самые заядлые из местных сплетников. Однако все явственно ощущали повисшее в воздухе напряжение. У Гарднеров появилась привычка временами безмолвно вслушиваться в тишину, как если бы там раздавались звуки, доступные им одним. Выйдя из этого своеобразного транса, они ничего не могли объяснить, ибо находившие на них моменты оцепенения свидетельствовали не о напряженной работе сознания, а скорее о почти полном его отсутствии. К сожалению, такие случаи становились все более частыми, и вскоре то, что «с Гарднерами неладно», стало обычной темой местных пересудов. Когда расцвела камнеломка, было замечено, что ее бутоны опять-таки имели странную окраску – не совсем такую, как у скунсовой капусты, но несомненно чем-то родственную ей и, уж конечно, не

похожую ни на какую другую на земле. Наум сорвал несколько цветков и принес их редактору «Аркхемских ведомостей». Однако сей почтенный джентльмен не нашел ничего лучшего, как написать по этому поводу пространный фельетон, очень изящно выставивший на посмешище темные страхи невежественных людей. Со стороны Наума и впрямь было ошибкой рассказывать солидному трезвомыслящему горожанину о том, что некоторые бабочки – в особенности черные, немислимых размеров траурницы – вытворяли над цветками этих камнемоков.

В апреле среди местных жителей распространилась настоящая эпидемия страха, которая и привела к тому, что пролегающая мимо дома Наума аркхемская дорога была окончательно заброшена. Причиной страха была растительность. Деревья в гарднеровском саду оделись странным цветом, а на каменистой почве двора и на прилегающих к дому пастбищах пробилась к свету невиданная поросль, которую только очень опытный ботаник мог бы соотнести с обычной флорой данного региона. Все, за исключением трав и листвы, было окрашено в различные сочетания одного и того же призрачного, нездорового тона, которому не было места на Земле. Один взгляд на бикукуллу внушал ужас, а невероятная пестрота волчьей стопы, казалось, служила треклятому цветку для того, чтобы издеваться над проходившими мимо людьми. Эмми вместе с Гарднерами долго размышляли о том, что бы могла означать эта зловещая окраска, и в конце концов пришли к выводу, что она очень напоминала окраску хрупкой глобулы, найденной в ядре метеорита. Бессчетное количество раз Наум перепахивал и засеивал заново свои угодья в долине и предгорьях, но так ничего и не смог поделаться с отравленной почвой. В глубине души он знал, что труды его были напрасны, и надеялся лишь на то, что уродливая растительность нынешнего лета вберет в себя всю дрянь из принадлежащей ему земли и очистит ее для будущих урожаев. Однако уже тогда он был готов к самому худшему и, казалось, только ждал того момента, когда нависшая над его семьей туча разразится страшной грозой. Конечно, на нем сказалось и то, что соседи начали их сторониться, но последнее обстоятельство он переносил гораздо лучше, чем его жена, для которой общение с людьми значило очень многое. Ребятам, каждый день посещавшим школу, было не так тяжело, но и они были изрядно напуганы ходившими вокруг их семьи слухами. Более всего страдал от этого Тадеуш, самый чувствительный из троих детей.

В мае появились насекомые, и ферма Наума превратилась в сплошной жужжащий и шевелящийся кошмар. Большинство этих созданий имело не совсем обычный вид и размеры, а их ночное поведение противоречило всем существующим биологическим законам. Гарднеры начали дежурить по ночам – они вглядывались в темноту, окружавшую дом, со страхом выискивая в ней сами не ведая что. Тогда же они удостоверились и в том, что странное заявление Тадеуша относительно деревьев было чистой правдой. Сидя однажды у окна, за которым на фоне звездного неба простер свои разлапистые ветви клен, миссис Гарднер обнаружила, что, несмотря на полное безветрие, ветви эти определенно раскачивались, как если бы ими управляла некая внутренняя сила. Это уже были явно не те старые добрые клены, какими они видели их еще год тому назад! Но следующее зловещее открытие сделал человек, не имевший к Гарднерам никакого отношения. Привычка притупила их бдительность, и они не замечали того, что сразу же бросилось в глаза скромному мельнику из Болтона, который в неведении последних местных сплетен как-то ночью проезжал по злосчастной старой дороге. Позднее его рассказу о пережитом той ночью даже уделили крохотную часть столбца в «Аркхемских ведомостях», откуда новость и стала известна всем фермерам округи, включая самого Наума. Ночь выдалась на редкость темной; от слабеньких фонарей, установленных на крыльях пролетки, было мало толку, но, когда мельник спустился в долину и приблизился к ферме, которая, судя по описанию, не могла быть никакой иной, кроме гарднеровской, окружавшая его тьма странным образом рассеялась. Это было поразительное зрелище: насколько хватало глаз, вся растительность – трава, кусты, деревья – испускала тусклое, но отчетливо видимое свечение, а на мгновение мельнику даже почудилось, что на заднем дворе

дома, возле коровника, шевельнулась какая-то фосфоресцирующая масса, отдельным пятном выделявшаяся на общем светлом фоне.

До последнего времени трава оставалась незараженной, и коровы спокойно паслись на прилегавшем к дому выгоне, но к концу мая у них начало портиться молоко. Тогда Наум перегнал стадо на предгорное пастбище, и положение как будто выправилось. Вскоре после того признаки недуга, поразившего траву и листву деревьев в саду Гарднеров, можно было увидеть невооруженным глазом. Все, что было зеленым, постепенно становилось пепельно-серым, приобретая по мере этого превращения еще и способность рассыпаться в прах от малейшего прикосновения. Из всех соседей теперь сюда наведывался только Эмми, да и его визиты становились все более редкими. Когда школа закрылась на летние каникулы, Гарднеры потеряли последнюю связь с внешним миром и потому охотно согласились на предложение Эмми делать для них в городе кое-какие закупки. Вся семья медленно, но верно угасала как физически, так и умственно, и когда в округе распространилось известие о сумасшествии миссис Гарднер, никто особенно не удивился.

Это случилось в июне, примерно через год после падения метеорита. Несчастную женщину преследовали неведомые воздушные создания, которых она не могла толком описать. Речь ее стала малопонятной – из нее исчезли все существительные, и теперь она изъяснялась только глаголами и местоимениями. Что-то неотступно следовало за ней, оно постоянно изменялось и пульсировало, оно надрывало ее слух чем-то лишь очень отдаленно напоминающим звук. С ней что-то сделали – из нее высасывают что-то – в ней есть нечто, чего не должно быть – его нужно прогнать – нет покоя по ночам – стены и окна расплываются, двигаются... Поскольку она не представляла серьезной угрозы для окружающих, Наум не стал отправлять ее в местный приют для душевнобольных, и некоторое время она как ни в чем не бывало бродила по дому. Даже после того, как начались изменения в ее внешности, все продолжало оставаться по-старому. И только когда сыновья уже не смогли скрывать своего страха, а Тадеуш едва не упал в обморок при виде гримас, которые ему корчила мать, Наум решил запереть ее на чердаке. К июлю она окончательно перестала говорить и передвигалась на четвереньках, а в конце месяца старик Гарднер с ужасом обнаружил, что его жена едва заметно светится в темноте – точь-в-точь как вся окружавшая ферму растительность.

Незадолго до того со двора убежали лошади. Что-то испугало их посреди ночи, и они принялись ржать и биться в стойлах с поистине ужасающей силой. Все попытки успокоить животных не принесли успеха, и когда Наум наконец открыл ворота конюшни, они вылетели оттуда, как стадо встревоженных лесных оленей. Четверых беглянок пришлось искать целую неделю, а когда их все же нашли, то оказалось, что они не способны даже нагнуться за пучком травы, росшей у них под ногами. Что-то сломалось в их жалких мозгах, и в конце концов всех четверых пришлось пристрелить для их же собственной пользы. Для заготовки сена Наум одолжил лошадь у Эмми, но это на редкость смирное и послушное животное наотрез отказалось приближаться к сараю. Она упиралась, взбрыкивала и оглашала воздух ржанием до тех пор, пока ее не увели обратно во двор, и мужчинам пришлось на себе волочить тяжеленный фургон до самого сеновала. А между тем растения продолжали сереть и сохнуть. Даже цветы, сначала поражавшие всех своими невиданными красками, теперь стали однообразно серыми, а начинавшие созревать фрукты имели кроме привычного уже пепельного цвета карликовые размеры и отвратительный вкус. Серыми и искривленными выросли астры и золотарники, а розы, циннии и алтеи приобрели такой жуткий вид, что Наумов первенец Зенас однажды забрался в палисадник и вырезал их все под корень. Примерно в это же время начали погибать заповившие ферму гигантские насекомые, а за ними и пчелы, перед тем покинувшие ульи и поселившиеся в окрестных лесах.

К началу сентября вся растительность начала бурно осыпаться, превращаясь в мелкий сероватый порошок, и Наум стал серьезно опасаться, что его деревья погибнут до того, как отравы вымоется из почвы. Каждый приступ болезни у его жены теперь сопровождался ужасающими воплями, отчего он и его сыновья находились в постоянном нервном напряжении. Они стали избегать людей, и, когда в школе вновь начались занятия, дети остались дома. Теперь они видели только Эмми, и как раз он-то во время одного из своих редких визитов и обнаружил, что вода в гарднеровском колодце больше не годилась для питья. Она стала не то чтобы затхлой и не то чтобы соленой, а просто настолько омерзительной на вкус, что Эмми посоветовал Науму не откладывая дела в долгий ящик вырыть новый колодец на лужайке выше по склону. Наум, однако, не внял предупреждению своего старого приятеля, ибо к тому времени стал нечувствителен даже к самым необычным и неприятным вещам. Они продолжали брать воду из зараженного колодца, апатично запивая ею свою скудную и плохо приготовленную пищу, которую принимали в перерывах между безрадостным, механическим трудом, заполнявшим все их бесцельное существование. Ими овладела тупая покорность судьбе, как если бы они уже прошли половину пути по охраняемому невидимыми стражами проходу, ведущему в темный, но уже ставший привычным мир, откуда нет возврата.

Тадеуш сошел с ума в сентябре, когда в очередной раз, прихватив с собой пустое ведро, отправился к колодцу за водой. Очень скоро он вернулся, визжа от ужаса и размахивая руками, но даже после того, как его удалось успокоить, от него ничего невозможно было добиться, кроме бессмысленного хихиканья да еле слышного шепота, каким он бесконечно повторял одну-единственную фразу: «Там, внизу, живет свет...» Два случая подряд – многовато для одной семьи, но Наума не так-то просто было сломить. Неделью или около того он позволял сыну свободно разгуливать по дому, а потом, когда тот начал наткаться на мебель и падать, запер его на чердаке, в комнате, расположенной напротив той, где содержалась его мать. Отчаянные вопли, которыми эти двое обменивались через запертые двери, держали в страхе остальную семью. Особенно угнетающе они действовали на маленького Мервина, который всерьез полагал, что его брат переговаривается с матерью на неизвестном людям языке. Болезненная впечатлительность Мервина пугала Наума, который к тому же заметил, что после того, как его брата и товарища по играм заперли наверху, Мервин просто не находил себе места.

Примерно в это же время начался падеж скота. Куры и индейки приобрели сероватый оттенок и быстро издохли одна за другой, а когда их попытались приготовить в пищу, то обнаружилось, что мясо их стало сухим, ломким и непередаваемо зловонным. Свиньи сначала непомерно растолстели, а затем вдруг стали претерпевать такие чудовищные изменения, что ни у кого просто не нашлось слов, чтобы дать объяснение происходящему. Разумеется, их мясо тоже оказалось никуда не годным, и отчаяние Наума стало беспредельным. Ни один местный ветеринар и на милую не осмелился бы подойти к его дому, а специально вызванное из Аркхема светило только и сделало, что вылупило глаза от изумления и удалилось, так ничего и не сказав. А между тем свиньи начинали понемногу сереть, затвердевать, становиться ломкими и в конце концов развалились на куски, еще не успев издохнуть, причем глаза и рыльца несчастных животных превратились в нечто совершенно невообразимое. Все это было тем более странно и непонятно, если учесть, что скот не получил ни единой былинки с зараженных пастбищ. Затем мор перекинулся на коров. Отдельные участки, а иногда и все туловище очередной жертвы непостижимым образом сжималось, высыхало, после чего кусочки плоти начинали отваливаться от пораженного места, как старая штукатурка от гладкой стены. На последней стадии болезни (которая во всех без исключения случаях предшествовала смерти) наблюдалось появление серой окраски и общая затверделость, ведущая к распаду, как и в случае со свиньями. О преднамеренном отравлении не могло быть и речи, так как животные содержались в запертом коровнике, расположенном вплотную к дому. Вирус не мог быть занесен и через укусы хищников, ибо ни одна

из обитающих на земле тварей не смогла бы проникнуть через крепко сколоченные стены. Оставалось предположить, что это была все-таки болезнь – однако что это за болезнь, да и существует ли вообще на свете болезнь, которая могла бы приводить к таким ужасным результатам, было непостижимо уму. Когда пришла пора собирать урожай, на дворе у Наума не осталось ни единого животного – птица и скот погибли, а все собаки исчезли однажды ночью, и больше о них никто не слышал. Что же касается пятерых котов, то они убежали еще на исходе лета, но на их исчезновение вряд ли кто-нибудь обратил внимание, ибо мыши в доме давным-давно перевелись, а миссис Гарднер была не в том состоянии, чтобы заметить пропажу своих любимцев.

Девятнадцатого октября пошатывающийся от горя Наум появился в доме Пирсов с ужасающим известием. Бедный Тадеуш скончался в своей комнате на чердаке – скончался при обстоятельствах, не поддающихся описанию. Наум вырыл могилу на обнесенном низкой изгородью семейном кладбище позади дома и опустил в нее то, что осталось от его сына. Как и в случае со скотом, смерть не могла прийти снаружи, ибо зарешеченное окно и тяжелая дверь чердачной комнаты оказались нетронутыми, но бездыханное тело Тадеуша носило явные признаки той же страшной болезни, что до того извела всю гарднеровскую живность. Эмми и его жена, как могли, утешали несчастного, в то же самое время ощущая, как у них по телу пробегают холодные мурашки. Смертный ужас, казалось, исходил от каждого Гарднера и всего, к чему бы они ни прикасались, а самое присутствие одного из них в доме было равносильно дыханию бездны, для которой у людей не было и никогда не будет названия. Эмми пришлось сделать над собой изрядное усилие, прежде чем он решился проводить Наума домой, а когда они прибыли на место, ему еще долго пришлось успокаивать истерически рыдавшего маленького Мервина. Зенас не нуждался в утешении. Все последние дни он только и делал, что сидел, невидящим взором уставясь в пространство и механически выполняя что бы ему ни приказал отец, – участь, показавшаяся Эмми еще не самой страшной. Временами рыдания Мервина сопровождались душераздирающими женскими криками, доносившимися с чердака. Заметив вопросительный взгляд Эмми, Наум сказал, что его жена слабеет не по дням, а по часам. Когда начало смеркаться, Эмми удалось улизнуть, ибо даже старая дружба не могла задержать его до утра в доме, окруженном светящейся травой и деревьями, чьи ветви колыхались без малейшего намека на ветер. Эмми еще повезло, что он уродился ни особо сообразительным, ни чересчур чувствительным и все пережитое лишь слегка повредило его рассудок. Обладай же он хоть каплей воображения и способностью сопоставлять отдельные факты зловещих событий, ему бы не миновать буйного помешательства. Он почти бежал домой в сгущавшихся сумерках, а в ушах его все звучали пронзительные крики малыша и его безумной матери.

Прошло три дня, а ранним утром четвертого (Эмми только что отправился куда-то по делам) Наум ворвался на кухню Пирсов и заплетающимся языком выложил оцепеневшей от ужаса хозяйке известие об очередном постигшем его ударе. На этот раз пропал маленький Мервин. Накануне вечером, прихватив с собой ведро и лампу, он пошел за водой – и не вернулся. В последнее время состояние его резко ухудшилось. Он практически не отдавал себе отчета в том, что делает и где находится, и с криком шарахался от собственной тени. Его отчаянный вопль, донесшийся со двора в тот вечер, заставил Наума вскочить на ноги и что есть мочи ринуться к дверям, но, когда он выскочил на крыльцо, было уже поздно. Мервин исчез без следа, нигде не было видно и зажженного фонаря, который он взял, чтобы осветить себе у колодца. Сначала Наум подумал, что ведро и фонарь пропали вместе с мальчиком, однако странные предметы, обнаруженные им у колодца на рассвете, когда после целой ночи бесплодного обшаривания окрестных полей и лесов он, почти падая от усталости, вернулся домой, заставили его изменить свое мнение. На мокрой от росы полоске земли, опоясывающей жерло колодца, поблескивала расплюснутая и местами оплавленная решетка, которая когда-то несомненно являлась частью фонаря, а рядом с нею валялись изогнутые, перекрученные от адского жара обручи ведра. И

больше ничего. Наум был близок к помешательству, миссис Пирс балансировала на грани обморока, а от вернувшегося домой и узнавшего о случившемся Эмми тоже было мало проку. Нечего было даже думать о том, чтобы искать помощи у соседей, которые от одного вида Гарднеров убегали как от огня. Обращаться же к горожанам было и того не лучше, ибо в Аркхеме давно уже только похохатывали над рассказами деревенских простофиль. Тед погиб. Теперь, видно, пришла очередь Мервина. Какое-то зловещее облако надвигалось на несчастную семью, и недалеко уже был тот миг, когда гром и молния истребят ее целиком. Уходя, Наум попросил Эмми приглядеть за его женой и сыном, если ему суждено умереть раньше их. Все происходящее представлялось ему карой небесной; вот только за какие грехи ему ниспослана эта кара, он так и не мог понять. Ведь насколько ему было известно, он никогда нарушал заветов, в незапамятные времена оставленных людям Творцом.

Две недели о Науме ничего не было слышно, и в конце концов Эмми поборол свои страхи и отправился на проклятую ферму. Представшая его взору картина была поистине ужасна: пепельно-серый ковер из увядшей, рассыпающейся в прах листвы покрывал землю, высохшие жгуты плюща свисали с древних стен и фронтонов, а огромные мрачные деревья, казалось, вонзили в хмурое ноябрьское небо свои острые сучья и терзали ими низко пролетающие облака (Эмми показалось, что это впечатление возникло у него из-за того, что наклон ветвей и впрямь изменился и они смотрели почти перпендикулярно вверх). Огромный дом Гарднеров казался пустым и заброшенным; над высокой кирпичной трубой не вился, как обычно, дымок, и на секунду Эмми овладели самые дурные предчувствия. Но, к его радости, Наум оказался жив. Он очень ослаб и лежал без движения на низенькой кушетке, установленной у кухонной стены, но, несмотря на свой болезненный вид, находился в полном сознании и в момент, когда Эмми переступал порог дома, громким голосом отдавал какие-то распоряжения Зенасу. В кухне царил адский холод, и, не пробыв там и минуты, Эмми начал непроизвольно поеживаться, пытаясь сдержать охватывающую его дрожь. Заметив это, хозяин отрывисто приказал Зенасу подбросить в печь побольше дров. Обернувшись к очагу, Эмми обнаружил, что туда и в самом деле уже давно не подбрасывали дров – слишком давно, если судить по тому, как холоден и пуст он был и как неистово крутилось в его глубине облако сажи, вздымаемое спускающейся вниз по трубе струей ледяного воздуха. А когда в следующее мгновение Наум осведомился, стало ли ему теперь теплее или следует послать сорванца за еще одной охапкой, Эмми понял, что произошло. Не выдержала, оборвалась самая крепкая, самая здоровая жила, и теперь несчастный фермер был надежно защищен от новых бед.

Несколько осторожных вопросов не помогли Эмми выяснить, куда же подевался Зенас. «В колодце... Он теперь живет в колодце...» – вот и все, что удалось ему разобрать в бессвязном лепете помешанного. Внезапно в голове у него пронеслась мысль о запертой в комнате наверху миссис Гарднер, и он изменил направление разговора. «Небби? Да ведь она стоит прямо перед тобой!» – воскликнул в ответ пораженный глупостью друга Наум, и Эмми понял, что с этой стороны помощи он не дождетя и что надо приниматься за дело самому. Оставив Наума бормотать что-то себе под нос на кушетке, он сдернул с гвоздя над дверью толстую связку ключей и поднялся по скрипучей лестнице на чердак. Там было очень тесно, пахло гнилью и разложением. Ниоткуда не доносилось ни звука. Из четырех дверей, выходящих на площадку, только одна была заперта на замок. Один за другим Эмми принялся вставлять в замочную скважину ключи из связки, позаимствованной им внизу. После третьей или четвертой попытки замок со щелчком сработал, и, поколебавшись минуту-другую, он толкнул низкую, выкрашенную светлой краской дверь.

Внутри царил полумрак, так как и без того маленькое окошко было наполовину перекрыто толстыми деревянными брусьями, и Эмми поначалу не удалось разглядеть ровным счетом ничего. В лицо ему ударила волна невыносимого зловония, и, прежде чем двинуться дальше, он немного

постоял на пороге, наполняя легкие пригодным для дыхания воздухом. Войдя же и остановившись посреди комнаты, он заметил какую-то темную кучу в одном из углов. Когда ему удалось разобрать, что это было такое, из груди его вырвался протяжный вопль ужаса. Он стоял посреди комнаты и кричал, а от грязного дощатого пола поднялось (или это ему только показалось?) небольшое облачко, на секунду заслонило собою окно, а затем с огромной скоростью пронеслось к дверям, обдав его обжигающим дыханием, как если бы это была струя пара, вырвавшаяся из бурлящего котла. Странные цветочные узоры переливались у него перед глазами, и, не будь он в тот момент напуган до полусмерти, они бы, конечно, сразу же напомнили ему о невиданной окраске глобулы, найденной в ядре метеорита и разбитой профессорским молотком, а также о нездоровом оттенке, который этой весной приобрела едва появившаяся на свет растительность вокруг гарднеровского дома. Но как бы то ни было, в тот момент он не мог думать ни о чем, кроме той чудовищной, той омерзительной груды в углу чердака, бывшей некогда женой его друга, а теперь разделившей страшную и необъяснимую судьбу Тадеуша и большинства остальных обитателей фермы. А потому он стоял и кричал, отказываясь поверить в то, что этот воплощенный ужас, продолжавший у него на глазах разваливаться, крошиться, расползаться в бесформенную массу, все еще очень медленно, но совершенно отчетливо двигался вдоль стены, словно стараясь уйти от опасности.

Эмми не стал вдаваться в дальнейшие подробности этой чудовищной сцены, но из его рассказа я понял, что, когда он покидал комнату, бесформенная гряда в углу больше не шевелилась. Есть вещи, о которых лучше не распространяться, потому что акты человеческого сострадания иногда сурово наказываются законом. Так или иначе, на чердаке не было ничего, что могло бы двигаться, и я полагаю, что Эмми принял верное решение, ибо оставить живую человеческую душу претерпевать невиданные муки в этом адском месте было бы гораздо более страшным преступлением. Любой другой на его месте несомненно свалился бы без чувств или потерял рассудок, но сей достойный потомок твердолобых первопроходцев лишь слегка ускорил шаги, выходя за порог, и лишь чуть дольше возился с ключами, запирая за собой низкую дверь и ужасную тайну, что она скрывала. Теперь следовало позаботиться о Науме – его нужно было как можно скорее накормить и обогреть, а затем перевезти в безопасное место и поручить заботам надежных людей.

Едва начав спускаться по полутемному лестничному пролету, Эмми услышал, как внизу, в районе кухни, с грохотом свалилось на пол что-то тяжелое. Ушей его достиг слабый сдавленный крик, и он, как громом пораженный, замер на ступеньках, тотчас вспомнив о влажном светящемся облаке, обдавшем его жаром в той жуткой комнате наверху. Что же за дьявольские бездны всколыхнуло его внезапное появление и невольный крик? Охваченный неизъяснимым ужасом, он продолжал прислушиваться к происходившему внизу. Сначала он различил глухие шаркающие звуки, как если бы какое-то тяжелое тело волочили по полу, а затем, после непродолжительной тишины, раздалось настолько отвратительное чавканье и хлюпанье, что Эмми всерьез решил: это сам сатана явился из ада высасывать кровь у всего живого, что есть на земле. Под влиянием момента в его непривычном к умопостроениям мозгу вдруг сложилась короткая ассоциативная цепочка, и он явно представил себе то, что происходило в комнате наверху за секунду до того, как он открыл запертую дверь. Господи, какие еще ужасы таил в себе потусторонний мир, в который ему было уготовано нечаянно забрести? Не осмеливаясь двинуться ни вперед ни назад, он продолжал стоять, дрожа всем телом, в темном лестничном проеме. С того момента прошло уже четыре десятка лет, но каждая деталь давнего кошмара навеки запечатлелась у него в голове – отвратительные звуки, гнетущее ожидание новых ужасов, темнота лестничного проема, крутизна узких ступеней и – милосердный Боже! – слабое, но отчетливое свечение окружавших его деревянных предметов: ступеней, перекладин, опорных брусьев крыши и внутренней обивки стен.

Прошло несколько страшных минут, и Эмми вдруг услышал, как во дворе отчаянно заржала его лошадь, за чем последовал дробный топот копыт и грохот подскакивающей на выбоинах пролетки. Звуки эти быстро удалялись, из чего он совершенно справедливо заключил, что напуганная чем-то Геро стремглав бросилась домой, оставив оцепеневшего от ужаса хозяина торчать на полутемной лестнице и гадать, какой бес в нее вселился в самый неподходящий момент. Однако это было еще не все. Эмми был готов поклясться, что в разгар всего этого переполоха ему почудился негромкий всплеск, определенно донесшийся со стороны колодца. Поразмыслив, Эмми решил, что это был камень, который выбила из невысокого колодезного бордюра наскочившая на него пролетка, ибо именно возле колодца он оставил свою лошадь, ввиду ее мирного нрава не удосужившись проехать несколько лишних метров до привязи. Он стоял и раздумывал над всеми этими вещами, а вокруг него продолжало разливаться слабое фосфоресцирование, исходившее от старых, изъеденных временем стен. Боже, каким же древним был этот дом! Главное здание было возведено около тысяча шестьсот семидесятого года, а пристройки и двускатная крыша – не позднее семьсот тридцатого.

Доносившиеся снизу шаркающие звуки стали теперь гораздо более отчетливыми, и Эмми крепче сжал в руках тяжелую палку, прихваченную им на всякий случай на чердаке. Не переставая ободрять себя, он спустился с лестницы и решительным шагом направился на кухню. Однако туда он так и не попал, ибо того, за чем он шел, там уже не было. Оно лежало на полпути между кухней и гостиной и все еще проявляло признаки жизни. Само ли оно приползло сюда или было принесено некой внешней силой, Эмми не мог сказать, но то, что оно умирало, было очевидно. За последние полчаса оно претерпело все ужасные превращения, на которые раньше уходили дни, а то и недели: отвердение, потемнение и разложение уже почти завершились. Высохшие участки тела на глазах осыпались на пол, образуя кучки мелкого пепельно-серого порошка. Эмми не мог заставить себя прикоснуться к нему, а только с ужасом посмотрел на разваливающуюся темную маску, которая еще недавно была лицом его друга, и прошептал:

– Что это было, Наум? Что это было?

Распухшие, потрескавшиеся губы раздвинулись, и увядающий голос прошелестел в гробовой тишине:

– Не знаю... не знаю... просто сияние... оно обжигает... холодное, влажное, но обжигает... живет в колодце... я видел его... похоже на дым... тот же цвет, что у травы этой весной... колодец светится по ночам... Тед, и Мервин, и Зенас... все живое... высасывает жизнь из всего живого... в камне с неба... оно было в том камне с неба... заразило все кругом... не знаю, чего ему надо... та круглая штука... ученые выковыряли ее из камня с неба... они разбили ее... она была того же цвета... того же цвета, что и листья, и трава... в камне были еще... семена... яйца... они выросли... впервые увидел его на этой неделе... стало большое, раз справилось с Зенасом... Зенас был сильный, много жизни... сначала селится у тебя в голове... потом берет всего... сжигает тебя... вода из колодца... ты был прав... вода была плохая... Зенас не вернулся с колодца... от него не уйти... оно притягивает... ты знаешь... все время знаешь, что будет худо... но поделаться ничего нельзя... я видел его не раз с тех пор, как оно взяло Зенаса... не помню, где Небби, Эмми?... у меня в голове все смешалось... не помню, когда кормил ее последний раз... оно заберет ее, если мы не помешаем... просто сияние... оно светится... ее лицо точь-в-точь так же светится в темноте... а оно обжигает и высасывает... оно пришло оттуда, где все не так, как у нас... так сказал профессор... он был прав... берегись, Эмми, оно не только светится... оно высасывает жизнь...

Это были его последние слова. То, чем он говорил, не могло больше издать ни звука, ибо составлявшая его плоть окончательно раскрошилась и провалилась внутрь черепа. Эмми прикрыл останки белой в красную клетку скатертью и, пошатываясь, вышел через заднюю дверь на поля.

По отлогому склону он добрался до десятиакрового гарднеровского пастбища, а оттуда по северной дороге, что шла напрямиком через леса, побрел домой. Он не мог пройти мимо колодца, от которого убежала его лошадь, ибо перед тем, как отправиться в путь, бросил на него взгляд из окна и убедился в том, что пролетка не оставила на каменном бордюре ни малейшей царапины – скорее всего, она вообще проскочила мимо. Значит, это был не камень, а что-то другое... Что-то неведомое, что скрылось в колодце после того, как разделалось с беднягой Наумом.

Вернувшись домой, Эмми обнаружил там свою лошадь, пролетку и сильно испуганную жену, которая уже начала строить самые мрачные предположения относительно его судьбы. Не вдаваясь в объяснения, он успокоил ее и сразу же отправился в Аркхем заявить полиции, что семьи Гарднеров больше не существует. В полицейском участке он вкратце сообщил о гибели Наума и Небби (о Тадеуше уже знали в городе) и высказал предположение, что причиной смерти послужила та же самая неведомая болезнь, что ранее погубила весь скот на ферме. Кроме того, он заявил об исчезновении Мервина и Зенаса. После этого Эмми подвергли официальному допросу, а кончилось дело тем, что его заставили сопровождать на злосчастную ферму трех сержантов, коронера, судебно-медицинского эксперта и ветеринара, обследовавшего гарднеровский скот. Уговорить его стоило огромных трудов – близился полдень, и он опасался, что расследование затянется до темноты, – но в конце концов, поразмыслив и решив, что с такой оравой ему нечего опасаться, он согласился.

Шестеро представителей закона разместились в легком фургоне, Эмми уселся в свою пролетку, и около четырех часов пополудни они уже были на ферме. Даже привыкшие к самым жутким ипостасям смерти полицейские не смогли сдержать невольную дрожь при виде останков, найденных на чердаке и под белой в красную клетку скатертью в гостиной. Мрачная пепельно-серая пустыня, окружавшая дом со всех сторон, сама по себе могла вселить ужас в кого угодно, однако эти две груды праха выходили за границы человеческого разумения. Никто не мог долго глядеть на них, и даже судмедэксперт признался, что ему тут, собственно, не над чем работать, разве что только собрать образцы для анализа. Тогда-то две наполненные пеплом склянки и попали на лабораторный стол технологического колледжа Мискатоникского университета. Помещенные в спектроскоп, оба образца дали абсолютно неизвестный спектр, многие полосы которого совпадали с полосами спектра, снятого в прошлом году с кусочка странного метеорита. Однако в течение месяца образцы утратили свои необычные свойства, и спектральный анализ начал стабильно указывать на наличие в пепле большого количества щелочных фосфатов и карбонатов.

Эмми и словом бы не обмолвился о колодце, если бы знал, что за этим последует. Приближался закат, и ему хотелось поскорее убраться восвояси. Но как он ни сдерживался, взгляд его постоянно возвращался к каменному парапету, скрывавшему черное круглое жерло, и когда наконец один из полицейских спросил его, в чем дело, он вынужден был признаться, что Наум ужасно боялся этого колодца – боялся настолько, что ему даже в голову не пришло заглянуть в него, когда он искал пропавших Мервина и Зенаса. После этого заявления полицейским ничего не оставалось, как досуха вычерпать колодец и обследовать его дно. Эмми стоял в сторонке и дрожал всеми членами, в то время как полицейские поднимали на поверхность и выплескивали на сухую, потрескавшуюся землю одно ведро зловонной жидкости за другим. Люди у колодца морщились, зажимали носы, и неизвестно, удалось бы им довести дело до конца, если бы уровень воды в колодце не оказался на удивление низок и уже через четверть часа работы не обнажилось дно. Полагаю, нет необходимости распространяться в подробностях о том, что они нашли. Достаточно сказать, что Мервин и Зенас оба были там. Останки их представляли собой удручающее зрелище и почти целиком состояли из разрозненных костей да двух черепов. Кроме того, были обнаружены небольших размеров олень и дворовый пес, а также целая россыпь костей, принадлежавших,

по-видимому, более мелким животным. Ил и грязь, скопившиеся на дне колодца, оказались на редкость рыхлыми и пористыми, и вооруженный багром полицейский, которого на веревках опустили в колодезный сруб, обнаружил, что его орудие может полностью погрузиться в вязкую слизь, так и не встретив никакого препятствия.

Сгустились сумерки, и работа продолжалась при свете фонарей. Через некоторое время, поняв, что из колодца не удастся более выжать ничего ценного, все гурьбой повалили в дом и, устроившись в древней гостиной, освещаемой фонарями да призрачными бликами, которые показывавшийся иногда из-за облаков месяц отбрасывал на царившее кругом серое запустение, принялись обсуждать результаты проведенных изысканий. Никто не скрывал своего замешательства, равно как и не мог предложить убедительной версии, которая связывала бы воедино необычную засуху, поразившую близлежащую растительность, неизвестную болезнь, приведшую к гибели скота и людей на ферме, и, наконец, непостижимую смерть Мервина и Зенаса на дне зараженного колодца. Конечно, им не раз доводилось слышать, что говорят об этом в округе, но они не могли поверить, чтобы рядом с ними могло произойти нечто, абсолютно не отвечающее законам природы. Без сомнения, метеорит отравил окрестную землю, но как объяснить тот факт, что пострадали люди и животные, не взявшие в рот ни крошки из того, что выросло на этой земле? Может быть, виновата колодезная вода? Вполне возможно. Было бы очень недурно отправить на анализ и ее. Но какая сила, какое безумие заставило обоих мальчиков броситься в колодец? Один за другим они прыгнули туда, чтобы там, на илистом дне, умереть и рассыпаться в прах от все той же (как показал краткий осмотр останков) иссушающей серой заразы. И вообще, что это за болезнь, от которой все сереет, сохнет и рассыпается в прах?

Первым свечение у колодца заметил коронер, сидевший у выходившего во двор окна. Снаружи уже совсем стемнело, и все окружавшее дом пространство было залито таким ярким лунным светом, что казалось, земля, деревья и деревянные пристройки светятся сами по себе. Однако это новое сияние, отчетливо выделявшееся на общем фоне, не было иллюзией. Оно поднималось из черных недр колодца, как слабый луч фонарика, и терялось где-то в вышине, успевая отразиться в маленьких лужицах зловонной колодезной воды, оставшихся на земле после очистных работ. Сияние это было весьма странного цвета, и когда Эмми наконец получил возможность выглянуть во двор из-за спин сгрудившихся у окна людей, он почувствовал, как у него останавливается сердце. Ибо окраска загадочного луча, вздымавшегося к небу сквозь плотные клубы испарений, была хорошо знакома ему. Это был цвет хрупкой глобулы, в ядре зловещего метеорита, цвет уродливой растительности, появившейся этой весной, и, наконец, – теперь он мог в этом поклясться! – цвет того движущегося облачка, что не далее как сегодня утром на мгновение заслонило собой узенькое окошко чердачной комнаты, таящей в себе невыразимый ужас. Одно лишь мгновение переливалось оно у окошка, а в следующее – влажная обжигающая струя пара пронеслась мимо него к дверям, и какая-то тварь точно такого же цвета прикончила внизу беднягу Наума. Умирая, тот так и сказал: того же цвета, что и трава весной, что и проклятая глобула. И лошадь понеслась прочь со двора, и что-то тяжелое упало в колодец – а теперь из него угрожающе выпирал в небо бледный, мертвенный луч все того же дьявольского света.

Нужно отдать должное крепкой голове Эмми, которая даже в тот напряженный момент была занята разгадкой парадокса, носящего чисто научный характер. Его поразил тот факт, что светящееся, но все же достаточно разреженное облако выглядело совершенно одинаково как на фоне светлого квадрата окна, за которым сияло раннее погожее утро, так и в кромешной тьме посреди черного, опаленного смертью ландшафта. Что-то здесь было не так, не по законам природы, и он невольно подумал о последних страшных словах своего умирающего друга: «Оно пришло оттуда, где все не так, как у нас... так сказал профессор... он был прав».

Во дворе отчаянно забились и заржали лошади, оставленные на привязи у двух чахлах ив, росших на самой обочине дороги. Кучер фургона направился было к дверям, чтобы выйти и успокоить испуганных животных, когда Эмми положил трясущуюся руку ему на плечо.

– Не ходи туда, – прошептал он. – Там нечто такое, что нам и не снилось. Наум сказал, там, в колодце, живет что-то... Оно высасывает жизнь. Он сказал, оно выросло из круглой штуки – такой же, что была в этом треклятом метеоритном камне, который упал прошлым летом. Все видели эту штуку – такую круглую, как яйцо. Он сказал, оно жжет и высасывает, а из себя как облачко – просто сияние – и цвет у него такой же, как у вон того облачка за окном, такого бледного, что с трудом видать, а уж сказать, что это такое, и вообще нельзя. Наум говорил, оно пожирает все живое, и чем больше ест, тем сильнее становится. Он сказал, что видел его на этой неделе. Оно пришло издалека, оттуда, где кончается небо, – так сказали доктора из колледжа, когда были здесь в прошлом году. Оно устроено не так, как весь остальной Божий мир, и живет оно не по его законам. Это нечто *извне*.

Кучер в нерешительности остановился у дверей, а между тем сияние во дворе становилось все ярче, и все отчаяннее ржали и дергали поводья привязанные у дороги лошади. Это был поистине ужасный момент: мрачное, навевающее ужас жилище, четыре чудовищных свертка с останками (включая поднятые со дна колодца) в дровянике у задней двери и столб неземного, демонического света, вздымающийся из осклизлой бездны во дворе. Под влиянием этого момента Эмми и удержал кучера – он совсем забыл, что влажная струя светящегося пара, пронесшаяся утром близ него на чердаке, не причинила ему никакого вреда, – но, может быть, это было и к лучшему. Теперь уже никто никогда не узнает, какой опасности они подвергались в ту ночь, и хотя до той поры адский огонь, разгоравшийся в ночи, казалось, был бессилён причинить вред собравшимся в доме людям, неизвестно, на что он был способен в те последние минуты, когда готова была высвободиться вся его устрашающая сила и когда на черном небосводе, наполовину скрытом облаками, вот-вот должна была обозначиться его конечная цель.

Внезапно один из толпившихся у окна полицейских издал короткий сдавленный вопль. Все присутствующие, вздрогнув от неожиданности, проследили его взгляд до того участка внешней тьмы, к которому он был прикован. Ни у кого не нашлось слов, да и никакие слова не смогли бы выразить охватившее всех смутение. Ибо в тот вечер одна из самых невероятных легенд округа перестала быть легендой и превратилась в жуткую реальность – и когда несколько дней спустя свидетели этого превращения подтвердили его истинность, весь Аркхем содрогнулся от ужаса, и с тех пор там уже не осмеливались в полный голос обсуждать события «окаянных дней». Нужно заметить, что в тот вечер в воздухе не ощущалось ни дуновения ветерка. Позднее поднялась настоящая буря, но в тот момент воздух был абсолютно недвижим. Даже высохшие лепестки поздней полевой горчицы, пепельно-серые и наполовину осыпавшиеся, не колыхались, как обычно, в струях исходящего от земли тепла, и, как нарисованная, застыла окаймлявшая крышу фургона бахрома. Вся природа замерла в жутком оцепенении, но то, что вселилось в черные, голые ветви росших во дворе деревьев, по-видимому, не имело к природе никакого отношения, ибо как объяснить тот факт, что они двигались на фоне всеобщего мертвого затишья! Они судорожно извивались, как одержимые, пытаясь вцепиться в низколетящие облака, они дергались и свивались в клубки, как если бы какая-то неведомая чужеродная сила дергала за связывающую их с корнями невидимую нить.

На несколько секунд все затаили дыхание. Затем набежавшее на луну плотное облачко ненадолго скрыло силуэты шевелящихся деревьев в кромешной тьме – и тут из груди каждого присутствующего вырвался хриплый, приглушенный ужасом крик. Ибо тьма, поглотившая бившиеся в конвульсиях ветви, лишь подчеркнула царившее снаружи безумие: там, где секунду назад были видны кроны деревьев, теперь плясали, подпрыгивали и кружились в воздухе тысячи

бледных, фосфорических огоньков, облепивших каждую ветвь наподобие огней святого Эльма³ или сияния, сошедшего на головы апостолов в Троицын день. Это чудовищное созвездие замогильных огней, напоминавших рой обожравшихся светляков-трупоедов, светило все тем же пришлым неестественным светом, который Эмми отныне суждено было запомнить и смертельно бояться всю оставшуюся жизнь. Между тем исходивший из колодца столб света становился все ярче и ярче, а в головах сбившихся в кучу дрожащих людей, напротив, все более сгущалась тьма, рождая мрачные образы и роковые предчувствия, выходявшие далеко за границы обычного человеческого сознания. Теперь сияние уже не *истекало*, а *вырывалось* из темных недр, плавно и бесшумно подымаясь к нависшим над головой тучам.

Ветеринар поежился и направился к дверям, чтобы положить поперек них добавочный деревянный брус. Эмми продолжало трясти, и ему стоило больших трудов поднять руку – в ту минуту голос отказался служить ему – и указать остальным на деревья, которые с каждой секундой светились все ярче и напоминали теперь скорее брызжущие во все стороны фосфорические фонтаны. Ржание и беспокойство лошадей у привязи становились невыносимым, но ни один из бывших в доме ни за какие земные блага не согласился бы выйти наружу. Свечение деревьев все нарастало, а их извивающиеся ветви все более вытягивались к небу, принимая почти вертикальное положение. Теперь светилось и деревянное коромысло над колодцем, а когда один из полицейских молча ткнул пальцем в сторону каменной ограды, все обратили внимание на то, что притулившиеся к ней пристройки и навесы тоже начинают излучать свет, и только полицейский фургон да пролетка Эмми оставались не вовлеченными в эту огненную феерию. Через некоторое время со стороны дороги донесся шум отчаянной возни и громкий стук копыт. Эмми поспешно погасил лампу, и прильнувшие к стеклу люди увидели, как оборвавшая наконец поводья пара гнедых удирает вместе с фургоном по направлению к городу.

Это происшествие немного ослабило напряжение, царившее в доме, и присутствующие принялись возбужденно шептаться.

– Оно... это явление... распространяется на все органические материалы, какие только есть поблизости, – пробормотал судмедэксперт.

Ему никто не ответил, но тут полицейский, которого опускали в колодец, заявил, содрогаясь всем телом, что его длинный багор, очевидно, задел нечто такое, чего не следовало было задевать.

– Это было ужасно, – добавил он. – Там совсем не было дна. Одна только муть и пузырьки – да ощущение, что кто-то притаился там, внизу.

Лошадь Эмми все еще билась и ржала во дворе, наполовину заглушая дрожащий голос своего хозяина, которому удалось выдать из себя несколько бессвязных фраз:

– Оно вышло из этого камня с неба... выросло там, внизу... оно убивает все живое... пожирает душу и тело... Тед и Мервин, Зенас и Небби... Наум был последним... все они пили воду... плохую воду... оно взяло их... становилось все сильнее... оно пришло извне, где все не так, как у нас... теперь оно собирается домой.

В этот момент сияющий столб во дворе вспыхнул ярче прежнего и начал приобретать определенную форму – но форму такую фантастическую, что позднее ни один из видевших это явление собственными глазами так и не смог толком его описать. Одновременно бедная, привязанная у дороги Геро издала жуткий рев, какого ни до, ни после того не доводилось слышать человеку. Все присутствующие зажали ладонями уши, а Эмми, содрогнувшись от ужаса и тошноты, поспешно отвернулся от окна. Смотреть на то, что там происходило, было выше человеческих сил, и когда он наконец набрался достаточно мужества, чтобы снова выглянуть в

окно, он различил в том месте, где стояла его лошадь, лишь темную бесформенную грудку, возвышавшуюся между расщепленными оглоблями пролетки. Ему больше не довелось увидеть свою бедную, смиренную Геро – полицейские, которые на следующий день обследовали развалины фермы, похоронили все, что от нее осталось, в ближайшем овраге. Однако в тот момент Эмми было не до траура по своей бедной лошадке – один из полицейских знаками давал понять остальным, что пылающая смерть уже находится вокруг них, в этой самой гостиной! Лампа, которую Эмми незадолго до того потушил, теперь не мешала видеть, как все деревянные предметы вокруг них начинали испускать все то же ненавистное свечение. Оно разливалось по широким половицам и брошенному поверх них лоскутному ковру, мерцало на переплете окон, пробежало по выступающим угловым опорам, вспыхивало на буфетных полках над камином и постепенно распространялось на двери и всю мебель. Оно усиливалось с каждой минутой, и вскоре уже ни у кого не осталось сомнений в том, что, если они хотят остаться в живых, им нужно немедленно покинуть этот дом.

Через заднюю дверь Эмми вывел всю компанию на тропу, пересекавшую поля в направлении пастбища. Они брели по ней, как во сне, спотыкаясь и покачиваясь, не смея оборачиваться назад, до тех пор, пока не оказались на высоком предгорье. Все очень обрадовались существованию этой тропинки, ибо никто не рискнул бы пройти по двору мимо дьявольского колодца. И без того они натерпелись страху, когда пришлось миновать светящиеся загоны и сараи, не говоря уже об изуродованных фруктовых деревьях, ветви которых – хвала Создателю, на достаточном удалении от земли! – продолжали свою сумасшедшую пляску. Едва они пересекли Чепменовский ручей, как луну окончательно заволочло облаками, и им пришлось ощупью выбираться на открытое место.

Когда они остановились, чтобы в последний раз посмотреть на долину, их взору предстала ужасающая картина: вся ферма – трава, деревья, постройки, и даже те участки растительности, что еще не были затронуты обжигающим дыханием серой смерти, – все было охвачено зловещим сиянием. Ветви деревьев теперь смотрели вертикально в небо, и на концах их плясали тоненькие язычки призрачного пламени, в то время как другие огневые струйки переливались на кровле дома, коровника и других строений. Все это напоминало одно из видений Фюссли⁴: светящееся аморфное облако в ночи, в центре которого набухал переливчатый жгут неземного, неопишуемого сияния. Холодное смертоносное пламя поднялось до самых облаков – оно волновалось, бурлило, ширилось и вытягивалось в длину, оно уплотнялось, набухло и бросало во тьму блики всех цветов невообразимой космической радуги.

А затем, не дав потрясенным зрителям прийти в себя от этого сверхъестественного зрелища, отвратительная тварь стремительно рванулась в небо и бесследно исчезла в идеально круглом отверстии, которое, казалось, специально для нее кто-то прорезал в облаках. Онемевшие от изумления люди застыли на склоне холма. Эмми стоял, задрал голову и тупо уставившись на созвездие Лебеда, в районе которого пущенная с земли сияющая стрела была поглощена Млечным Путем, когда донесшийся из долины оглушительный треск заставил его опустить взор долу. Позднее многие ошибочно утверждали, что это был взрыв, но Эмми отчетливо помнит, что в тот момент они слышали только громкий треск и скрежет разваливающегося на куски дерева. Однако последствия этого треска были действительно очень похожи на взрыв, ибо в следующую секунду над обреченной фермой забурлил искрящийся дымовой гейзер, из сердца которого, ослепляя окаменевшую группу людей на холме, вырвался и ударил в зенит ливень обломков таких фантастических цветов и форм, каким не должно быть места в привычном нам мире. Сквозь быстро затягивающуюся дыру в облаках они устремились вслед за растворившейся в космическом пространстве тварью, и через мгновение от них не осталось и следа. Теперь внизу царил кромешная тьма, а сверху резкими ледяными порывами уже налетал ураган, принесшийся, казалось, непосредственно из распахнувшейся над людьми межзвездной бездны. Ветер свистел и

завывал вокруг, подминал под себя поля, неистово сражался с лесами, и перепуганные, дрожащие люди на склоне холма решили, что, пожалуй, им не стоит ждать, пока появится луна и высветит то, что осталось от гарднеровского дома, а лучше поскорее отправиться восвояси. Слишком подавленные, чтобы обмениваться замечаниями, все семеро поспешили прочь по северной дороге, что должна была вывести их к Аркхему. Эмми в тот день досталось больше других, и он попросил всю компанию сделать небольшой крюк и проводить его домой. Он просто представить себе не мог, как пойдет один через эти мрачные, стонущие под напором ветра леса. Ибо минуту тому назад бедняге довелось пережить еще одно потрясение, оставившее в глубине его души свинцовую печать ужаса, от которого он так и не сумел избавиться за все прошедшие годы. В то время как все остальные благоразумно повернулись спиной к проклятой долине и ступили на ведущую в город тропу, Эмми замешкался и еще раз взглянул в клубящуюся тьму, которая навеки скрыла его несчастного друга. Он задержался лишь на мгновение, но этого мгновения было достаточно, чтобы увидеть, как там, далеко внизу, с обожженной, безжизненной земли поднялась тоненькая светящаяся струйка – поднялась только затем, чтобы тут же нырнуть в бездонную черную пропасть, откуда совсем недавно стартовала в небо светящаяся нечисть. Что это было? Просто сияние, маленькая цветная змейка – но цвета, в который она была окрашена, не существовало ни на небесах, ни под ними. Эмми узнал этот цвет и понял, что последний слабый отросток чудовищной твари затаился все в том же колодце, где и будет теперь сидеть, ожидая своего часа. Именно в тот момент что-то повернулось у Эмми в голове, и с тех пор он так уже и не оправился.

Эмми больше не бывал на ферме Гарднеров. Прошло уже сорок четыре года, и все это время он старательно обходил проклятое место стороной. Он очень обрадовался, когда узнал, что долина будет затоплена под водохранилище. Откровенно говоря, при мысли об этом я тоже испытываю огромное облегчение, ибо мне вовсе не нравятся те странные, неземные тона, в которые окрашивались лучи заходящего солнца над заброшенным колодцем. Я также очень надеюсь, что вода в этом месте будет достаточно глубока, но даже если и так, я ни за что не соглашусь отпить и глотка из аркхемского водопровода. И вообще, я не думаю, что когда-нибудь снова приеду сюда.

На следующий после происшествия день трое полицейских вернулись на ферму, чтобы осмотреть развалины при дневном свете. Однако они не нашли там практически никаких развалин – только кирпичный дымоход, завалившийся каменный погреб, разбросанный по двору щебень вперемешку с металлическими обломками да бордюр ненавистного колодца. Все живое или сделанное из органического материала – за исключением мертвой лошади Эмми, которую они оттащили в ближайший овраг и закопали в землю, да его же пролетки, которую они в тот же день доставили владельцу, – исчезло без следа. Остались лишь пять акров жуткой серой пустыни, где с тех пор так и не выросло ни одной былинки. Так и лежит она посреди лесов и полей, как въевшаяся в бумагу капля кислоты, и те немногие местные жители, у которых хватило духу сходить посмотреть на нее, окрестили ее Испепеленной пустошью.

Странные слухи расползаются по округе. Но если ученые когда-нибудь удосужатся взять на анализ воду из заброшенного колодца или серую пыль, которую никакой ветер не может вынести за пределы пустоши, реальные факты могут оказаться еще более странными. Ботаникам также следовало бы заняться изучением причудливой, медленно гибнущей растительности по краям выжженного пятна и заодно опровергнуть, если, конечно, удастся, бытующую в округе легенду, гласящую, что это самое пятно медленно, почти незаметно – не более дюйма в год, – наступает на окружающий его лес. Еще люди говорят, что каждую весну в долине появляются молодые побеги очень необычного цвета, а зимою на снегу можно встретить ни на что не похожие следы. Между прочим, на Испепеленной пустоши снега выпадает гораздо меньше, чем в остальной округе. Лошади – те немногие, что еще остались в наш автомобильный век, – проявляют неожиданно

буйный норв, стоит им только приблизиться к долине, а охотящиеся в окрестных лесах фермеры не могут положиться на своих собак.

Еще говорят, что проклятое место влияет и на душевное здоровье. Со времени гибели Наума было много случаев помешательства, и всякий раз чувствовавшим приближение болезни людям не хватало духу покинуть родные очаги. Однако мало-помалу старожилы набирались решимости и уезжали в город, и теперь только иностранцы время от времени делают попытки прижиться под крышами древних, обветшалых строений. Но и они не остаются здесь надолго. Если же кто-нибудь начинает подтрунивать над горе-переселенцами и обвинять их в том, что они запугивают друг друга нелепыми страшными байками, они шепчут в ответ, что кошмары, мучающие их по ночам в этой жутковатой глухомани, не похожи на обычные земные кошмары, и это-то их пугает больше всего. И немудрено – одного взгляда на это царство вечного полумрака бывает достаточно, чтобы пробудить в человеке самые нездоровые фантазии. Ни один путешественник, побывавший в этих краях, не избежал гнетущего ощущения чьего-то чужеродного присутствия, а художники, которым доводилось забираться в здешние ущелья с мольбертом, не могли удержаться от невольной дрожи, перенося на полотно недоступную глазу обычных смертных загадку древнего леса. Сам я навсегда запомню ужас, охвативший меня во время одинокой прогулки накануне того дня, когда я повстречался с Эмми. Я буду помнить, как в сгущавшемся ночном сумраке мне смутно хотелось, чтобы налетевшие вдруг облака закрыли собой неисчислимыe звездные бездны, нависшие над моей головой и рождавшие первобытный страх в моей душе.

Не спрашивайте меня, что я обо всем этом думаю. Я не знаю – вот и все. Эмми был единственным, кто согласился поговорить со мной тогда, – из жителей Аркхема невозможно было вытянуть и слова, а все три профессора, видевшие метеорит и сверкающую глобулу, давно умерли. Однако в том, что там были другие глобулы, можете не сомневаться. Одна из них выросла, набралась сил, пожрав все живое вокруг, и улетела, а еще одна, как видно, не успела. Я уверен, что она до сих пор скрывается в колодце – недаром мне так не понравились краски заката, игравшие в зловонных испарениях над его жерлом. В округе говорят, что серое пятно расширяется примерно на один дюйм в год, – следовательно, засевавшая в колодце тварь все это время питается и копит силы. Но какой бы дьявол ни высиживал там свои яйца, он, очевидно, накрепко привязан к этому месту, иначе давно уже пострадали бы соседние леса и поля. Может быть, его держат корни деревьев, что вонзают свои ветви в небо в напрасной попытке вцепиться в облака? Недавно в Аркхеме как раз прошел слух о том, что могучие дубы окрестных лесов внезапно обрели привычку светиться и шевелить ветвями в темноте, чего обычно деревья себе не позволяют.

Что это такое, знает один только Бог. Если верить описаниям Эмми, то это, несомненно, газ, но газ этот не подчиняется физическим законам нашей Вселенной. Он не имеет никакого отношения к звездам и планетам, безобидно мерцающим в окулярах наших телескопов или безропотно запечатлевающимся на наших фотопластинках. Он не входит в состав атмосфер, чьи параметры и движения усердно наблюдают и систематизируют наши астрономы. Это просто сияние – сияние извне, – грозный вестник, явившийся из бесконечно удаленных, неведомых миров, о чьей природе мы не имеем даже смутного представления; миров, одно существование которых заставляет содрогнуться наш разум и окаменеть наши чувства, ибо при мысли о них мы начинаем смутно прозревать черные, полные опасностей бездны, что ждут нас в космическом пространстве.

У меня есть все основания сомневаться в том, что рассказ старого фермера был намеренной выдумкой или, как меня уверяли в городе, бредом душевнобольного. Что-то поистине ужасное поселилось в здешних лесах и полях после падения памятного многим метеорита, и это что-то – не знаю, правда, в каком качестве – несомненно обитает в них до сих пор. Так или иначе, я буду рад, когда вся эта жуткая местность скроется под водой. И надеюсь, что до той поры ничего не случится со стариком Пирсом. Он слишком часто встречался с этой тварью – а ведь она, как

известно, не отпускает своих жертв. Не потому ли он так и не собрался переселиться в город? Не мог же он забыть последние слова умирающего Наума: «От него не уйти... оно притягивает... ты знаешь... все время знаешь, что будет худо... но поделаться ничего нельзя». Эмми такой славный старик – пожалуй, когда строители выедут на место, я накажу главному инженеру получше присматривать за ним. Мне ужасно не хочется, чтобы он превратился в пепельно-серое, визжащее, разваливающееся на куски чудовище, что день ото дня все чаще является мне в моих беспокойных снах.

*Перевод: Игорь Богданов
1992 год*